

излечимого при умелом врачевании, а также тема огня — гибельного (у Хониата), но и источника страстных побуждений, желания (у Григоры).

Эти образы вполне отражают мировосприятие историка и мыслителя, утверждавшего, что «в мире нет ничего постоянного и устойчивого и что дела человеческие, по Платону, это лишь игрушка в руках Бога, и в своем движении — вверх и вниз — они устремляют свой совершенно не постижимый бег» (*Greg. I. P. 257.3—7*). Упирая на нестабильность человеческих судеб, Григора убежден, однако, в постоянной возможности перемен к лучшему в условиях бесконечного смещения вещей (*Ibid. II. P. 1013.20—1014.2*), когда попавшему в гущу бедствий следует быть стойким, опираясь на разум (*Ibid. II. P. 1014.8—16*). Однако индетерминизм человеческой воли все же ограничен у Григоры предопределенным общим ходом мировых событий, вмешательство индивидуума может быть эффективным лишь при благоприятных стечениях обстоятельств (*Ibid. I. P. 154.10—17, 23*)²⁰.

Пахимер с трудом воспринимает принципы свободы действий человека в жизни и обществе. Григора же развивает гуманистический тезис о силе разума человека, способной к преобразующей обществу деятельности. Такова у него фигура Феодора Метохита, который днем занят государственными делами, а ночью углублен в книги и научные рассуждения, отвлекаясь от внешней суеты (*Ibid. I. P. 272*). «Образная система Григоры тесно связана с его провиденциалистской концепцией истории, с его историческим антидетерминизмом»²¹.

Григора пытается применить нормы Платона к современной ему действительности: то, что Платон развивал в теории, император Андроник II Палеолог воплотил в жизнь, и если бы Платон был жив, он обогатил бы свои идеи о государстве опытом Андроника и многое бы позаимствовал от него при создании идеальных законов²².

Входя в своеобразный ученый кружок при дворе Андроника II²³, Григора превозносит подобное неформальное общение людей, называя их сообщество «школой всяческих добродетелей», «гимназией эрудиции» (*Ibid. I. P. 327*). Действительно, в этот период вновь, как и при первых Комнинах, на состояние интеллектуальной жизни оказывало большое влияние возрождение придворных литературных салонов, где классическое образование было критерием учености, а риторика обретала практический смысл, обеспечивая успех в общественной практике²⁴.

Изображение одного из героев «Ромейской истории» претерпевает по ходу развития событий трансформацию: храбрый, энергичный полково-~~{285}~~дец, друг автора, Иоанн Кантакузин после воцарения становится одиозной фигурой, врагом историка-гуманиста, заточившим его в монастырь. Действительно, друзья в молодости, принадлежавшие к одному кругу интеллектуалов-единомышленников, обменивавшиеся книгами, сделались со временем настолько непримиримыми врагами, что Кантакузин, обретя власть, поспешил расправиться с бывшим другом.

Однако и сам Иоанн Кантакузин (1295/6—1383), провозглашенный василевсом в 1341 г., был вынужден затем отречься от престола и удалиться в монастырь, где и писал мемуары с целью оправдать себя и своих сторонников²⁵. При этом очевидна и полемическая заостренность его «Историй» против предшественников, сочинения которых были доступны экс-императору.

Представитель столичного аристократического клана крупных землевладельцев²⁶, он получил в юности прежде всего воинское образование. Приняв в междоусобиях Андроника II и будущего василевса Андроника III сторону последнего, великий domestik Иоанн Кантакузин с воцарением молодого монарха обрел необычайное влияние. Еще в 1341 г. венчанный в провинции на царство, Иоанн Кантакузин затем почти шесть лет вел настоящую гражданскую

²⁰ *Moutsopoulos E. La notion de «kairicité» historique chez Nicéphore Grégoras // Byzantina. 1972. T. 4. P. 203—213.*

²¹ *Каждан А. П. Указ. соч. С. 14.*

²² *Медведев И. П. Указ. соч. С. 17.*

²³ *Bréhier L. Les empereurs byzantins dans leur vie privée // Revue Historique. 1940. T. 188. P. 193—217.*

²⁴ *Ševčenko I. Op. cit. N 1. P. 69 sq.*

²⁵ *Прохоров Г. М. Публицистика Иоанна Кантакузина (1367—1371 гг.) // ВВ. 1968. Т. 29. С. 322 и сл.*

²⁶ *Nicol D. M. The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus), ca. 1100—1460. A Genealogical and Prosopographical Study. Wash., 1968. P. 35—103.*